

«Не хочу быть популярной...»

Котенка звали Русаков. Он дремал, потягивался, жмурился на свечу, потом снова засыпал. Временами в комнату заглядывала трехцветная кошка Екатерина, его мать. В темном коридоре возилась собака с редким именем Вита.

Не знаю, догадываются ли они, что их хозяйка, хрупкая женщина в длинной шерстяной юбке и красных вязаных тапочках, гениальна? А может быть, эту тайну хранят огромные тряпичные куклы?..

Когда-нибудь о нашем времени будут говорить «время Камбуровой». Так сейчас мы вспоминаем Федора Шалапина, Сергея Лемешева, Александра Вертинского, Эдит Пиаф... Мы счастливы, что можем слышать и видеть ее. А я до сих пор не верю, что мне выпало и особенное счастье — общаться с Еленой лично: по телефону, в гримерной после концертов и у нее дома.

Я пришла к ней в сумрачный февральский день. Бывают в конце зимы такие удивительные дни, когда вдруг начинается снег, и вот уже над головой и под ногами — первые потоки весенней воды... Южный ветер обещает скорое тепло и бесконечную радость.

Незадолго до этого мы с друзьями были на концерте лауреатов конкурса актерской песни имени Андрея Миронова.

Концерт организовала и вела Елена Камбурова. Мы впервые увидели ее единомышленников, ее последователей, положивших начало новой песенной традиции, традиции актерской песни...

...Эта мысль пришла мне в голову после того, как я побывала во Вроцлаве, на польском фестивале актерской песни. Он существует около двадцати лет, это уже традиция. В Польше этот фестиваль пользуется большим вниманием и любовью не только в элитарной среде, но и у более широкого круга зрителей.

Я подумала: странно, ведь Россия — страна, где этот жанр вообще должен быть на первом месте! Почему же такие конкурсы не проводятся у нас? Позже поняла — для того, чтобы развивалась авторская песня, достаточно песню сочинить, взять гитару, выйти и спеть. А актерская песня требует от человека уже профессиональной подготовки, требует присутствия актера. В стране, в которой царил цензурный режим, актерская песня развиваться практически не могла. Опять же с авторской песней можно было быстренько собраться, организовать фестиваль где-нибудь в лесу... Мог один человек существовать, два... Я гротескно существовала таким партизанским способом долгие годы, разъезжала, меняя фамилии авторов. У меня были свои защитные вещи, с трудом меня защищавшие, но все-таки. А о том, чтобы традиция родилась, и речи быть не могло. Потому что все пресекалось на корню: «А про что вы поете?» Нельзя было упоминать ни Мандельштама, ни Цветаеву... Сейчас в это трудно поверить. Но это было совсем недавно.

— Я застала кусочек того времени...

— Да, было ничего нельзя. И чтобы это явление — актерская песня — встало в рост, должна была быть, как говорят, наша ментальность, но совсем другие условия. Отсутствие свободы многого нас лишило. В Польше такого зажима, как у нас, никогда не было. Если уже в 60-е годы я слушала пластинку композитора Зигмунда Конечного в исполнении Эвы Демарчик, а у нас она никогда бы в жизни не вышла...

Сейчас возможность петь в смысле цензуры, в смысле свободы есть. Но она осложнилась другой несвободой — финансовой. Теперь все воспринимается так — будет ли это иметь доход. А раньше на все смотрели с точки зрения «идеологического дохода».

Для того чтобы все-таки жанр актерской песни стал традицией, действительно нужно, чтобы произошло чудо, чтобы среди «новых русских», среди богатых людей нашлись те, кто хоть чуть-чуть думает о судьбе России. Ведь в ткани судьбы России поэтическая песня всегда имела огромное значение. Это, по сути своей, лучшее, что есть в авторской песне.

Актерской можно назвать любую, характерно сделанную песню. Но меня волнует те, в которых есть и «про что» сказано, и хорошо сказано. В которых есть душевное, духовное напряжение. На фоне недавно прошедшего (уже в третий раз) конкурса актерской песни появление таких песен более возможно. Поэтому когда журналист Марина Райкина предложила мне стать членом жюри, я согласилась, чтобы посмотреть на его участников именно с этой точки зрения и, конечно, чтобы поддержать ребят. И еще потому, что мой голос, просто лишний голос мог что-то решить для тех, кто думает, для чего он поет, для чего стоит на сцене.

И такие люди появились, хотя пока они скорее исключение. Это хорошо показали финальные концерты конкурса, которые транслировались по телевидению. Там была типичная эстрада с присутствиями ей легковесностью и пошлостью. А наши концерты — это выступления отдельных представителей конкурса, которые стали лауреатами и которые отвечают моим душевным запросам. Сам же конкурс, в том виде, в каком он есть, во многом мне не нравится. Потому что часто драматические актеры уходят в песню, устав от драматического театра. В лучшем случае это лирическое самовыражение или повод увеличить свою популярность. А наши песни — это иное, это служба...

Если бы я взяла всех подряд лауреатов, это были бы уже другие концерты. Мы же хотим отделить «своих», образовать свое поле. Кстати, наше выступление непоказательно в том смысле, что чисто актерских песен почти не было. Это станет возможным тогда, когда появится традиция. Очень трудно еще отделиться от жанра авторской песни, да и не надо. Это более исповедальные, в основном лирические песни, это открытие души. Если же говорить про чисто актерскую песню, она может быть еще шире, богаче, интереснее по краскам... Она требует еще присутствия театра представления.

— Это то, что когда-то называлось «третье направление»?

— Предтечей появления конкурса стала идея композитора Владимира Дашкевича, который всю жизнь писал для дра-

матических актеров — на стихи Маяковского, Мандельштама, Ахматовой... Я была счастлива все это петь, я чувствовала себя в этом органично. Так вот, Дашкевич предложил открыть при Союзе композиторов своеобразное «третье направление» — что-то среднее между классикой и авторской песней. Хотя в моих программах и много авторских песен, я пытаюсь увести их за рамки просто пения под гитару, пытаюсь дать им все возможные краски, на которые они способны.

— Скажите, а кто аранжирует мелодии? Вот, например, Гершвина, «Summer time»?

— От желания что-то спеть появляется смелость. Я очень давно мечтала спеть эту песню, а меня все отговаривали: «Зачем? Есть столько потрясающих исполнителей, ты в этом жанре не сильна...» Да, действительно, ее пели многие, в том числе и великие. Но это всегда был повод обнародовать свою музыкальность, поупражняться в умении импровизиро-

вать... Они это делают блестяще. А для меня это прежде всего колыбельная, которую поют малышу. Мне именно так и хотелось ее спеть, может быть, слегка импровизируя, но импровизация ложится в основном на плечи музыкантов.

— Вам не страшно жить в нынешнее время? Бывает такое?

— Конечно. Время тяжелое. Смотришь на памятники архитектуры и думаешь: «Боже мой, как они добры, красивы, как прекрасны деревья, природа... Каким счастливым могло бы быть человеческое пребывание на земле! Если бы все горести заключались только в личных драмах, одиночестве, болезнях...»

Страшно, что существуют войны, политические распри, страшно, когда ты видишь, что над тобой люди, у которых нет души. Это не люди, а какие-то вычислительные машины. Сейчас время вычислительных машин. Дети, кроме компьютера и компьютерных представлений, ничего не признают. Песня — тоже как компьютер. Вся сегодняшняя массовая культура — это купленная за деньги возможность уничтожить человеческую душу. Думаю, многие «творцы» подобной продукции до конца не осознают, что

традиция гармоничного отношения к миру, к душе человеческой...
 — У нас в семье не было культа животных, даже наоборот. Собачек, которых я приносила, мне оставлять не разрешали. Просто было не принято. В Хмельницком собачки жили во дворах, а в квартирах как-то не держали... А сколько в нашем огромном дворе обитало бездомных кошек! Я хорошо помню, что все, что я могла быстро спрятать в карман, я несла им. Мы их кормили, опекали. Когда они погибали, мы их хоронили с почестями. Какой был приезд для меня, когда мне, наконец, разрешили держать кошку! Практически все время, которое нужно было уделять урокам, я отдавала любви к нашей Мурке...

— А какую погоду вы больше всего любите?

— Жару не люблю. А снег — очень. Хочется мягкости, умеренности... Смотрю за окно и облизываюсь — сегодня, может быть, удастся пойти на каток, в третий раз после детства. В детстве я каталась на коньках, потом всю жизнь мечтала, но как-то не получалось...

— Марина Цветаева когда-то писала: «Таруса, Коктебель да чешские деревни — вот места моей души». Есть ли у вас такие места?

— Так получилось, что у меня не было места, куда бы я все время ездила. Люблю природу как одно-единственное существо. Каждое дерево может стать любимым. Я никогда не думала, что так люблю деревья. У меня к ним серьезное отношение. Если с котенком я могу играть, сюсюкать, то к дереву у меня отношение как к учителю. Загадочному, прекрасно, непостижимому...

— Елена, вы — терпимый человек?

— Да, многие и многое вызывает раздражение, и с этим порою трудно справиться. Пытаюсь. Я еще стараюсь мало смотреть телевизор, только избранные передачи... Или элементарно: мы садимся в самолет, и сразу начинается привычная всем музыкальная программа. Прошу, чтобы сделали потише. И главное, все нормально сидят, а я не могу это слышать.

Я человек непопулярный. Знаете, мне бы и не хотелось быть популярной. В основном из-за того, что мне не хочется, чтобы климат моих концертов менялся. Я предчувствовала это раньше. К сожалению, общий уровень культуры в нашей стране на низком, мягко говоря, уровне. Поэтому, если ты становишься популярным — хотя бы оттого, что тебя показывают по телевидению, — начинают ходить «не те» зрители. Приходят оттого, что где-то слышали мое имя... Их отрицательная энергетика мне и моим песням очень мешает.

— Вы видите «своих» людей в зале? Лица вообще видите?

— Это зависит от света. Но, знаете, я их чувствую. Зрители часто существуют в моем воображении.

— А кто слушает вас за границей? Больше наши бывшие соотечественники?

— Для них я выступала, пожалуй, только в Израиле. А на других, достаточно редких, сольных выступлениях «наших» бывает немного...

— Что вы там поете? В основном на иностранном?

— Нет. Хочется больше показать, что мы можем, какая у нас песня. У меня есть теория, сейчас постараюсь объяснить. Например, обожаемого мной Брежнев я долгие годы слушала, зная только, про что он поет. Я еще не могла проследить за фразами, конкретика его песен мне была неясна. Я воспринимала сердцем, эмоциями. Слушала пластинку Эвы Демарчик, совершенно не зная польского. Могу слушать чтецов, если они выразительно читают, если выражают что-то. Меня это завораживает. Как прекрасно, когда нас слушают, даже не понимая нас...

У «Театра музыки и поэзии» под руководством Елены Камбуровой пока нет своего здания. Выступления проходят в разных местах, на разных площадках. Чаще всего — у Иосифа Райхельгауза, в «Школе современной песни». Конечно, Москве и стране такой зал очень нужен, как когда-то он был нужен Франции. И все-таки это не самое главное. Главное, как считает Елена Камбурова, — взяться всем миром. Взрыхлить почву, чтобы начать сеять. Главное — верить в чудо. И оно состоится.

Наталья САВЕЛЬЕВА

Гость «УТ»

